

ОСНОВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ И ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В РЕГИОНАХ ПРОЖИВАНИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА (2) (ЧАСТЬ 1)

В статье рассматриваются основные технологии политической дестабилизации в регионах проживания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, а также существующие предпосылки, создающие благоприятные условия для реализации таких технологий. Статья состоит из двух частей. Первая часть работы содержит обзор теоретических взглядов современной науки на вопросы политтехнологической дестабилизации и ее реализации в контексте проблематики коренных малочисленных народов Севера, а также основные технологии политической дестабилизации. Во второй части исследования будут описаны предпосылки, способствующие развитию указанной деструктивной деятельности в регионах Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, а также предложения по мерам стабилизации политической ситуации в указанных регионах, которые могут быть использованы при формировании рекомендаций для институтов публичной власти в сферах национальной и региональной политики. В качестве основных научных методов в данной работе использованы междисциплинарный и ситуационный методы исследования. Данная работа основана на анализе источников современной политологической науки, а также органов исполнительной власти, нормативных актов федерального и регионального уровня.

Ключевые слова: внутренняя политика, коренные малочисленные народы Севера, национальная политика, политические технологии, дестабилизация.

Введение. В интервью Ю.А. Дудю от 4 марта 2022 г. писатель и оппозиционный политический активист Б. Акунин согласился с тезисом о насиль-

ственности, а значит преступности освоения Россией территорий Севера, Сибири и Дальнего Востока. Далее, собеседники развивают тезис о неизбежности абсолютного распада Российской Федерации. Несмотря на то, что указанное интервью было тематически посвящено началу специальной военной операции на Украине обсуждение вопросов, связанных с коренными народами, не было удостоено повышенного внимания общественности. Тем не менее, указанный кейс является наиболее резонансным и острым примером политтехнологической эксплуатации дискурса коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (далее – КМНС) за последнее время. По мнению автора, обострение антироссийской риторики в связи с операцией на Украине и обсуждение нацполитики в отношении коренных народов Сибири и Дальнего Востока с последующими рассуждениями о гибели России как самостоятельного государства едва ли могут трактоваться в качестве случайного совпадения. В текущих условиях все большую актуальность, приобретает проблематика технологических процессов дестабилизации политической обстановки в России в целом и, в частности, ее отдельных регионов. В связи с этим представляется целесообразным проанализировать особенности политтехнологий дестабилизации в контексте проблематики КМНС, а также существующие предпосылки, создающие благоприятные условия для реализации таких технологий.

Указанное исследование приобретает дополнительную актуальность в контексте эскалации военно-экономического противостояния России и коллективного Запада в условиях проведения специальной военной операции на Украине, а также в связи с председательством России в 2021-2023 годах в Арктическом совете и провозглашением ООН Международного десятилетия языков коренных народов (2022-2032 гг.).

К вопросу о технологиях политической дестабилизации. Т. Гугнина и А. Гугнин в своих работах отмечают, что «технологии являются как процессом применения техник, направленных на достижение конкретной цели реально действующим субъектом, так и результатом такой деятельности» [10. С. 310]. В свою очередь, О.Е. Гришин в своих исследованиях предлагает альтернативное *политическим технологиям* понятие – «технологий политической деятельности, которое может включать в себя как политические компоненты, так и инструменты множества других смежных отраслей, призванных достигнуть политического результата» [9]. А.И. Соловьев считает что, политтехнология – есть «совокупность последовательно реализуемых процедур деятельности, нацеленная на самую оптимальную и эффективную реализацию целей и задач конкретного субъекта в определенном времени и месте» [23. С. 285]. М.В. Бутба понимает под политтехнологиями «приемы целенаправленной активности, которые как структурируют средства достижения цели, так и фиксируют последовательность действий при формировании поведенческих алгоритмов субъекта» [8. С. 35]. М.Г. Анохин в качестве

политтехнологий подразумевает «набор действий, обслуживающих конкретные сферы разработки и реализации целей, однако, которые не способны оптимизировать сам процесс» [2]. Ю.С. Борцов, И.Д. Коротец и В.Ю. Шпак характеризуют политтехнологии как «совокупность приемов, методов, способов, процедур, которые использует субъект политической деятельности» [5. С. 469]. В.В. Демидченко обращается к позиции Г.И. Марченко и И.А. Носкова, согласно которой под политтехнологиями понимаются «методы, приемы, формы политической деятельности, которые обеспечивают ее эффективность» [11. С. 140]. В своей работе О.Ф. Шабров рассматривает политтехнологии как «целенаправленно сконструированную совокупность приемов и способов достижения политического результата, оказывающего влияние как на институты публичной власти, так и на несовпадающие с ними интересы социальных групп» [29. С. 328]. Д.В. Березко формулирует понятие политтехнологий в более широком смысле, считая их «совокупностью системно применяемых процедур, приемов и способов деятельности, направленных на наиболее оптимальную и эффективную реализацию целей и задач конкретного субъекта политических отношений, при решении конкретной политической проблемы» [4. С. 327]. Также А.И. Соловьев отмечает, что политтехнологии являются выражением «особых форм отражения действительности, обращенных к достижению средств и способов практического решения кризисных ситуаций в сфере реализации властных отношений» [24]. «Современное научное сообщество предлагает достаточно вариативную классификацию политтехнологий, где их уместнее классифицировать по виду реализуемых при их применении задач. Это такие технологии, которые используются при проведении исследований, переговорного процесса, электоральной кампании и пр. Их основная цель преимущественно разделяется на несколько локальных, каждая из которых применяет самостоятельную политтехнологию. Также возможна классификация на основании анализа используемых инструментов. Преимущественно такие технологии эксплуатируют психологические приемы, направленные на коллективное и индивидуальное сознание. При классификации по уровню гласности, политтехнологи ранжируются от узконаправленных и общеизвестных до законспирированных и косвенных. Последние позволяют достичь наибольшей результативности, а также существенно снижают резистентность к ним внутри target group» [6. С. 34]. «Политтехнологии являются как легальными (конвенциональными), процессами реализации публичной власти и распределения ресурсов, так и табуированными, неприемлемыми актуальной политической культуре» [25. С. 422]. Структурно политтехнологии состоят из трех базовых частей: «особых знаний, методики действий и технико-ресурсного компонента». По мнению А.И. Соловьева, политтехнологии являются «специфическими формами отражения окружающего мира, которые направлены на нахождение возможностей практического урегулирования

проблем, возникающих во властных отношениях» [23. С. 288]. Согласно позиции А.И. Байгушкина и Н.В. Загладина, *политическая дестабилизация* «выражается в ряде последовательных действий, которые направлены на ослабление публичной власти государства и гражданского иммунитета, мутацию приоритетов внешнеполитического курса, смену правящей элиты, обеспечение политических компромиссов или отторжение части ее территории» [3. С. 6]. Безусловно, в контексте дестабилизирующего потенциала политтехнологий особое значение и актуальность приобретает проблематика устойчивости государства и социально-политических систем. Так, в условиях глобализации «любые неопределенности в экономической, политической, географической и других сферах могут стать серьезным основанием для внешней эскалации политической дестабилизации на государственном уровне» [3. С. 61]. Также особое значение приобретает применение дестабилизационных политтехнологий «ограниченного действия», которые в современных условиях стали инструментами в руках не только национальных государств, но и неправительственных организаций, а также представителей деловых структур» [3. С. 62]. В свою очередь, к *дестабилизационным политтехнологиям*, как «специфической деятельности, которая реализуется участниками внутриполитического и межгосударственного противоборства, нацеленной на достижение системной дисфункции политической системы», А.С. Семченков относит следующие две самостоятельные категории. Во-первых, это «технологии конкурентной борьбы, направленные на ослабление оппонента посредством сужения его сфер влияния и интересов на международной арене, осуществления на его территории эскалации революционных событий, разжигания внутренних кризисов, этноконфликтов и гражданских войн, действий, направленных на разрушение государственности, а также распространение деструктивных для стабильного существования государства идеологических конструктов» [22. С. 40]. Во-вторых, это «технологии нелинейных действий, направленные на управление оппонентом, к которым относятся: формирование благоприятных стратегических условий, поражение коммуникационных систем, комбинированное воздействие на руководство и систему управления, «цветные революции», «холодные» экономические войны, а также проведение локальных адресных операций и крупномасштабных информационных войн» [22. С. 40].

Политическая дестабилизация в контексте проблематики коренных малочисленных народов Севера. Использование национального дискурса при реализации дестабилизационных политтехнологий имеет непосредственно тесную связь с проблематикой национальной безопасности, а также *этнобезопасности*, под которой Л.В. Савинов предлагает подразумевать «этнополитическое содержание национальной безопасности в контексте этносистемы, сформированной на основе сложного мультикультурного общества» [18. С. 78; 28]. Такая этностистема призвана сохранять свое естественное

функционирование при воздействии на нее комплекса внешних и внутренних факторов. Таким образом, этнобезопасность может пониматься не только как «безопасность этносистем», но и как «влияние этнического фактора на институты национальной безопасности» [20. С. 37; 21]. В свою очередь, кластер отечественной безопасности в контексте межэтнических отношений Л.В. Савинов предлагает стратифицировать на федеральные (макро), региональные (мезо) и местные (микро) группы, для каждой из которых справедливы «общие» и «уникальные вызовы этнобезопасности» [19. С. 41]. Безусловно, корни проблематики этнобезопасности произрастают из широкого спектра политических аспектов, которыми, в частности, являются «форма территориального устройства, особенности внутренней политики и пр.» [18. С. 72]. Так как угрозы национальной безопасности на федеральном и региональном уровне детерминированы особенностями межнациональных отношений внутри социума, дискурс этничности становится универсальным фундаментом для деструктивных политтехнологий, «приобретая формы реального вызова социальной стабильности и безопасности, и требует поиска адекватных ответов как научного, так и политико-правового содержания» [18. С. 74; 14]. Так, Р. Ильман в обозначенном проблемном поле справедливо предлагает рассматривать «национальную безопасность» и «национальные интересы» в неразрывном тандеме [18. С. 74]. Рассматривая вопрос дискурса КМНС в контексте проблематики национальной безопасности и этнобезопасности стоит сказать, что специфика «крайне гетерогенных этногрупп кроется в аннексии территории их исторического проживания и их инкорпорации в сообщество с этнодоминантами. Со стороны представителей КМНС наблюдается выраженная резистентность инкультурации этнизации, а также процессы ассимиляции, что выражается в требованиях официального признания их языка и культуры» [19. С. 43].

Несомненно, в России, которую населяет 193 народа, «уделяется особое внимание повышению эффективности политических инструментов устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера» [7. С. 1422].

Представители 47 *коренных малочисленных народов Российской Федерации* (далее – КМН) проживают на территории 34 субъектов Российской Федерации [15]. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 года, общая численность представителей КМН составила 316 тысяч человек.

В свою очередь, в связи с объективно суровыми природными условиями, сложностью традиционной хозяйственной деятельности, а также демографической малочисленностью и социальной уязвимостью среди представителей КМН выделяется самостоятельная группа из 40 этносов [16] – *коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации* (КМНС), которые локально размещены на территории 28 субъектов Российской Федерации [17]. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 года, общая численность КМНС составила 257 тысяч

человек. На момент написания данной статьи официальные результаты Всероссийской переписи 2021 года еще не опубликованы, но их появления с нетерпением ждет широкий пул экспертов для последующей аналитической работы [7. С. 1422].

Основные политические технологии дестабилизации. В интервью [1] Ю.А. Дудю (1) от 4 марта 2022 г., которое на момент написания статьи было просмотрено свыше 23 миллионов раз, писатель и оппозиционный политический активист Б. Акунин согласился с предложенным интервьюером тезисом о насильственности, а значит преступности освоения Россией территорий Севера, Сибири и Дальнего Востока. Далее, собеседники развивают гипотезу о неизбежности распада Российской Федерации и превращения ее при «благоприятном» сценарии в «Соединенные штаты России». По причине того, что это интервью было тематически посвящено началу специальной военной операции на Украине описанная выше часть интервью осталась за пределами общественного внимания. Тем не менее, указанный кейс является наиболее резонансным и острым примером политтехнологической эксплуатации дискурса КМНС а за последнее время. По мнению автора, обострение антироссийской риторики в связи с операцией на Украине и обсуждение нацполитики в отношении коренных народов Сибири и Дальнего Востока с последующими рассуждениями о гибели России как самостоятельного государства едва ли может трактоваться как случайное совпадение. Пример процитированного интервью демонстрирует, что современные технологии политической дестабилизации преимущественно применяются в медийном интернет-пространстве, которые благодаря своей массовости распространяются в целом на общероссийском уровне и в последующем канализируются на региональном и местном уровнях, формируя соответствующую деструктивную повестку. С точки зрения воздействия таких технологий на представителей КМНС, стоит сказать, что основными «потребителями», на которых оказывается целевое воздействие являются жители городов и сельских поселений. Большую роль играют классические технологии «мягкой силы», которые транслируют населению социально и экономически привлекательные образы жизни в западных странах. Особый акцент делается на отставании социально-экономических условий жизни представителей КМНС и представителей коренных народов, которые проживают в странах Арктического региона: США, Канаде и странах северной Европы. Формируется негативный образ России как «тюрьмы народов», нарастает уже рассмотренная выше риторика о преступной колониальной политике в отношении КМНС, захвате и варварской добыче Россией полезных ископаемых, принадлежащих КМНС, а также пренебрежительному отношению к КМНС со стороны представителей национального большинства.

Безусловно, на сегодняшний день наибольший дестабилизационный потенциал несут технологии, которые транслируются в социальных сетях. Так,

на популярных площадках зарубежных и отечественных социальных сетей активно действуют паблики и локальные группы по интересам связанные с сохранением культуры коренных народов, объединением соплеменников, передаче языковых практик, в которых параллельно с публикациями познавательного контента распространяется информация деструктивного, сепаратистского и экстремистского характера. С уверенностью можно заявить, что формирование этнополитического дискурса как оружия против политических режимов заняло достойное место в плеяде классических деструктивных политтехнологий, а социальные сети стали наиболее развитой площадкой, где осуществляется «игра на национальных чувствах» [12. С. 72]. В контексте отечественных национальных отношений наиболее активными акторами становятся пользователи социальных сетей, которые реактивно внедряются в специфическую «национальную» информационную повестку федерального, регионального и местного значения. В условиях развивающейся информационной сингулярности на площадках социальных сетей с каждым годом возрастает эффективность использования малых групп, частью которых являются «этнические меньшинства и националистические организации» [12. С. 75]. Особое внимание необходимо уделить тому факту, что институты публичной власти в социальных сетях не занимают «активной ролевой модели арбитра, модератора или активной стороны» в межнациональных конфликтах» [12. С. 72]. В частности, как федеральные, так и региональные органы исполнительной власти [13. С. 25] на площадках социальных сетей преимущественно используют негласные формы присутствия путем проведения систематических мониторинговых исследований. Существует частное, но заслуживающее внимания, мнение отдельных исследователей, согласно которому коллективная реакция институтов государства на кризисные сигналы в сфере межнациональных отношений характеризуется «некорректностью анализа информации из социальных сетей, дефицитом адекватности, а также спорностью управленческих решений [27. С. 120] в области национальной и межконфессиональной политики» [12. С. 73]. По мнению Ш.М. Султанова, внутри полинационального общества особое значение имеет степень «дифференциации массовых интерпретаций феноменов «безопасность», «личная безопасность», «групповая безопасность». Без идеологически согласованной «картины мира», которую, на сегодняшний день, наиболее активно формируют социальные сети, в данном социуме или в данном регионе различия в том, что и как считать «безопасностью», резко возрастает. А это уже становится важнейшим индикатором снижения этнобезопасности и, соответственно, роста межнациональной напряженности» [26. С. 52].

Также стоит отметить серьезную роль дестабилизационных политтехнологий, которые реализуются вне медийного пространства, но достаточно оперативно оказываются в интернет среде и создают не менее существенный деструктивный эффект в регионах их применения. Преимуществен-

но, речь идет о классических акциях протеста, призывах к бойкоту, флэш-мобах, съемках видеороликов и др.

Выводы. Таким образом, в результате проведения исследования сделан ряд выводов, согласно которым политическая дестабилизация «выражается в ряде последовательных действий, которые направлены на ослабление публичной власти государства и гражданского иммунитета, мутацию приоритетов внешнеполитического курса, смену правящей элиты, обеспечение политических компромиссов или отторжение части ее территории». Особое значение приобретает применение дестабилизационных политтехнологий «ограниченного действия», которые в современных условиях стали инструментами в руках не только национальных государств, но и неправительственных организаций, а также представителей деловых структур. Дестабилизационными политтехнологиями являются специфическая деятельность, которая реализуется участниками внутривнутриполитического и межгосударственного противоборства, а также нацелена на достижение системной дисфункции политической системы.

Использование национального дискурса при реализации дестабилизационных политтехнологий имеет непосредственно тесную связь с проблематикой национальной безопасности, а также этнобезопасности. Частные острые кейсы и системные кризисные ситуации помимо своего самостоятельного негативного воздействия на политические процессы параллельно создают устойчивые предпосылки к реализации дестабилизационных технологий, становясь их первопричиной, а в гибридной форме являются устойчивым «триггером», а также связующим звеном между искусственными политическими конструктами и реальной жизнью общества.

Технологии политической дестабилизации преимущественно применяются в медийном интернет-пространстве. Большую роль играют технологии «мягкой силы», которые, в частности, транслируют населению социально и экономически привлекательные образы жизни в западных странах. Наибольший дестабилизационный потенциал несут технологии, которые реализуются в социальных сетях. От представителей власти требуется более активное присутствие на платформах социальных сетей в роли арбитра в межнациональных конфликтах. Отдельно стоит остановиться на стратегической необходимости уделять повышенное внимание указанной проблематике в политической науке.

Окончание следует

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Внесен в Реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента // <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7755/>.

(2) Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (КМНС).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Акунин – что происходит с Россией // <https://www.youtube.com/watch?v=70RmF0rPj9o>.
2. Анохин М.Г. Современные технологии эффективной политики. М.: РУДН, 2008. Т. 239.
3. Байгушкин А.И., Загладин Н.В. Факторы и акторы дестабилизации: опыт прошлого и современность. Федеральное государственное бюджетное научное учреждение Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, 2011.
4. Березко Д.В. Избирательные технологии как разновидность политических технологий // VII Машеровские чтения. 2013.
5. Борцов Ю.С., Коротец И.Д., Шпак В.Ю. Политология в вопросах и ответах. Ростов н/Д: Феникс, 1998.
6. Буров А.С. Перспективные технологии формирования политической лояльной молодежи в современной России // PolitBook. 2021. № 4.
7. Буров А.С. Актуальные аспекты государственной политики устойчивого развития коренных народов Севера в современной России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. № 4 (85).
8. Бутба М.В. Политические технологии как совокупность приемов и процедур целенаправленной деятельности // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2010. № 4.
9. Гришин О.Е. Технологии политической деятельности: сущность и потенциал применения: дис. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2001.
10. Гугнин А., Гугнина Т. Политические технологии и их применение. Москва, 2009.
11. Демидченко В.В. Понятие политических технологий: сущность, формы и виды // Власть. 2015. № 12.
12. Еремкин А.И. Влияние социальных сетей на межэтнические отношения (в современной России) // Юбилейный сборник научных трудов преподавателей, аспирантов и магистрантов социологического факультета Самарского государственного университета. 2014.
13. Зорин В.Ю. Российская этнополитика на современном этапе: традиции и инновации // Вестник Российской нации. 2019. № 2.
14. Лейпхарт А. Многосоставные общества и демократические режимы // Полис. 1992. Т. 217.
15. Постановление Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 г. № 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации».
16. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 апреля 2006 г. № 536-р «Об утверждении перечня коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации».

17. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 мая 2009 г. № 631-р «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации».
18. *Савинов Л.В.* Национальная политика и этнобезопасность // Вестник Российской нации. 2021. № 3.
19. *Савинов Л.В.* Региональная этнополитическая безопасность: пример Сибири // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 4.
20. *Савинов Л.В.* Смыслы и концепты этнополитической безопасности // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2010. № 1.
21. *Савинов Л.В.* Этнобезопасность: смыслы социосинергетического понимания // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2010. № 1.
22. *Семченков А.С.* Противодействие современным угрозам политической стабильности в системе обеспечения национальной безопасности России. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2012.
23. *Соловьев А.И.* Политическая теория, политические технологии. М.: Аспект-пресс, 2000.
24. *Соловьев А.И.* Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебн. для студентов вузов. М., 2000.
25. *Соловьев А.И.* Политология: Политическая теория, политические технологии. М., 2004.
26. *Султанов Ш.* Этноразвитие и этнобезопасность // Изборский клуб. 2014. № 1 (13).
27. *Толкунов Н.С.* Региональная этнобезопасность и стабильность // Пятилетие воссоединения Крыма с Россией: итоги и перспективы. 2019.
28. *Чернов П.В.* Россия: этногеополитические основы государственности. Изд. Фирма «Восточная литература» РАН, 1999.
29. *Shabrov O.F.* Political technologies // Knowledge. Understanding. Skill. 2012. Т. 4.

A.S. BUROV

*Postgraduate student, Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

MAIN TECHNOLOGIES OF POLITICAL DESTABILIZATION AND CONDITIONS FOR THEIR IMPLEMENTATION IN THE REGIONS OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH (PART 1)

The article discusses the main technologies of political destabilization in the regions of residence of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation, as well as the existing prerequisites that create favorable conditions for the implementation of such technologies. The article consists of two parts. The first part of the work contains an overview of the theoretical views of modern science on the issues of political technological destabilization and its implementation in the context of the problems of the indigenous peoples of the North, as well as the main technologies of political destabilization. The second part of the study will describe the prerequisites that contribute to the development of this destructive activity in the regions of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation, as well as proposals for measures to stabilize the political situation in these regions, which can be used in the formation of recommendations for public authorities in the areas of national and regional policy. The main scientific methods used in this work are interdisciplinary and situational research methods. The study is based on the analysis of sources of modern political science, as well as executive authorities, regulations of the federal and regional levels.

Key words: *domestic policy, indigenous peoples of the North, national policy, political technologies, destabilization.*